

О. Н. Иванищева

Мурманский арктический государственный университет, г. Мурманск

**Динамика русских культурных смыслов
(на примере речевого употребления зоонима *попугай*)**

В статье рассматривается изменение смыслового спектра зоонима «попугай». Цель работы — показать динамику культурных смыслов в современном русскоязычном речевом употреблении (на примере использования в речи анималистических образов), которую можно выявить с помощью методики анализа текстового окружения лексем, предполагающей следующие параметры: функция лексемы в тексте и особенность ее функционирования в нем. Новизна работы состоит в выявлении особенностей функционирования зоометафор в текстах. Методы исследования — метод анализа словарных дефиниций, компонентный и контекстуальный анализы. Материалом исследования явились примеры речевого употребления зоонима «попугай» из Национального корпуса русского языка. Под современным речевым употреблением в работе понимается употребление лексемы в текстах художественной и публицистической литературы XX—XXI вв. Исследование такого употребления позволяет определить изменение смыслового наполнения в зависимости от конкретной речевой ситуации. Последнее и называется динамикой культурных смыслов.

Показано, что динамика культурных смыслов представлена не только в существенном расширении и детализации признаков, зафиксированных в словарях русского языка, но и в выделении тех особенностей внешнего вида и поведения птицы, которые принципиальны для описания человека. Анализ примеров употребления зоонима в речи демонстрирует процесс позитивизации переносного значения слова. Исследование функционирования зоонима «попугай» в разных типах контекстов выявило нейтрализацию анималистических признаков объекта и усиление антропологических.

Ключевые слова: культурные смыслы, зооним, современное речевое русскоязычное употребление, динамика, контекст.

O. N. Ivanishcheva

Murmansk Arctic State University, Murmansk

**Dynamics of Russian Cultural Meanings (on the Example of the
Speech Use of the Zoononym *Parrot*)**

The article discusses the change in the semantic spectrum of the zoononym parrot. The purpose of the work is to show the dynamics of cultural meanings in modern Russian—language speech use (using animalistic images as an example), which can be identified using the methodology for analyzing the textual environment of lexemes, which assumes the following parameters: the function of the lexeme in the text and the peculiarity of its functioning in it. The novelty of the work consists in revealing the features of the functioning of the zoometaphors in the texts. Research methods — dictionary definition analysis method, component and contextual analyzes. The research material was examples of the speech use of the zoononym parrot from the National corps of the Russian language. Under modern speech use in the work is understood the use of a lexeme in the texts of fiction and journalistic literature of the XX—XXI centuries. The study of this use allows you to determine the change in semantic content depending on the specific speech situation. The latter is called the dynamics of cultural meanings. It is shown that the dynamics of cultural meanings is presented not only in a significant expansion and detail of the characteristics recorded in the dictionaries of the Russian language, but also in highlighting those features of the appearance and behavior of the bird that are essential for describing a person. An analysis of examples of the use of the zoononym in speech shows the process of positivizing the figurative meaning of the word. A study of the functioning of the zoononym parrot in different types of contexts revealed the neutralization of animalistic features of the object and the strengthening of anthropological ones.

Keywords: cultural meanings, zoononym, contemporary speech use in Russian, dynamics, context.

Введение. Актуальность работы обусловлена непреходящим стремлением ученых исследовать языковую картину мира конкретного языка как часть его культуры, тесно связанной с традициями народа и языковой компетенцией носителя языка.

Культурные смыслы — идеациональные конструкты, связанные с культурными объектами (денотатами) как со знаками, то есть являющиеся их информационным, эмоциональным, экспрессивным содержанием (значением) [1].

В рамках исследования принципиальными являются следующие принятые за основу положения: во-первых, деление культурных смыслов (культурно-специфических, по терминологии П. Н. Донец [2]) на лингвоспецифические (отражающие особенности системы языка) и дискурсивно-специфические (отражающие особенности речи на языке) [2, с. 21]; во-вторых, выделение в качестве атрибутов культурных смыслов их концептуальность и идиоматичность (об идиоматичности культурно-специфических смыслов как их

«понятности» для носителей иных культур см.: [2, с. 20]); в-третьих, наличие внутреннего (фоновых знаний) и внешнего (физического окружения) контекстов культурных смыслов [3].

Под современным речевым употреблением в настоящей работе понимается употребление лексемы в текстах художественной и публицистической литературы XX—XXI вв. Исследование такого употребления позволяет определить изменение смыслового наполнения в зависимости от конкретной речевой ситуации. Последнее в данной работе и называется динамикой культурных смыслов.

Методы исследования, теоретическая база. Цель работы – показать динамику культурных смыслов в современном русскоязычном речевом употреблении (на примере использования в речи анималистических образов), которую можно выявить с помощью методики анализа текстового окружения лексем, предполагающей следующие параметры: функция лексемы в тексте и особенность ее функционирования в нем.

Объект исследования — зооним современного русского языка *попугай*. *Предмет* исследования — культурные смыслы, формируемые в текстовом пространстве русской лингвокультуры. Выбор объекта исследования обусловлен особым и разнообразным лингвокультурологическим потенциалом так называемой зооморфной метафоры, который изучен достаточно подробно на материале разных языков.

Исследование культурных смыслов, формируемых зооморфной метафорой, велось путем выявления особенностей семантики зоонимов (в том числе фразеологических компонентов-зооморфизмов) и специфики ее формирования. Отмечалось, что значения, представленные в словарях русского языка, не всегда представляют полную картину лексико-семантических вариантов, которые выявляются в речевом употреблении; что вторичные (переносные) значения зоонимов образуются в результате переосмысления признака и/или абстрагирования от других признаков (см., например: [4, с. 10, 36]). Особое внимание исследователи уделяют описанию истоков образного значения зоонимов, роли мифологической, фольклорной и литературной традиции в процессе отражения зоонимами картины мира определенного языка (см. анализ литературы в: [4]).

Тем не менее в обширном списке исследований до сих пор не представлены работы, где культурные смыслы, формируемые зо-

ометафорами, проанализированы с позиции их динамики, тенденции их развития. Такой подход предполагает выявление особенностей функционирования зоометафор в текстах. В этом состоит *новизна* данной работы.

Методами исследования явились метод анализа словарных дефиниций, компонентный и контекстуальный анализы. *Материалом* исследования явились примеры речевого употребления зоонима *попугай* (в количестве 100 единиц) из Национального корпуса русского языка¹. Использование этого источника является принципиальным для нашей работы, так как материалы Национального корпуса русского языка соответствуют принципам дескриптивного описания языка, принимающего во внимание языковую интуицию носителей языка (об эффективности такого инструмента, как корпус языка, см.: [5]).

Результаты исследования. *Постановка вопроса.* Изучение динамики культурных смыслов должно вестись, по нашему мнению, в направлении «язык → речь», «норма → узус». Поэтому необходимо представить закреплённые в словарях формулировки «информационных квантов», называемых смыслами, а затем исследовать реализацию этих смыслов в речевом употреблении.

Рассмотрим признаки, которые актуализируются в современном речевом русскоязычном употреблении при описании птицы *попугай* и при именовании попугаем человека. Эти признаки будут, по нашему мнению, составлять «каркас» языковой картины мира для данного сегмента зоонимов, перечень культурных смыслов, представленных в их динамике.

Согласно толковым словарям современного русского языка, актуальными признаками объекта *попугай*, зафиксированными в прямом и переносном значении слова, являются следующие: яркое, пестрое оперение, способность подражать человеческой речи (прямое значение); неспособность иметь собственное мнение (переносное значение) [6, с. 923; 7, с. 753; 8, с. 458; 9, с. 563; 10, с. 298]. Энциклопедические словари описывают разные виды птиц: волнистый попугай, серый попугай (жако), совиный попугай (какапо). Признаки, которые представлены в словарной статье энциклопедическо-

¹ Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 08.02.2020).

го словаря и характеризующие этот отряд птиц, следующие: длина тела, территория проживания, окрас, неспособность к полету, способность к звукоподражанию, хорошая память [11, с. 943].

Анализ современного речевого употребления позволяет выявить дополнительные культурные смыслы, представленные анималистическими и антропологическими признаками объекта *попугай*. Под анималистическими признаками мы понимаем признаки птицы отряда попугаев, под антропологическими – признаки птицы, приписываемые человеку.

В речевом употреблении представлены следующие анималистические признаки как дополнительные актуальные культурные смыслы: окрас, поведение, продолжительность жизни.

При актуализации признака «окрас» упоминаются пестрый, белый, розовый, голубой и зеленый цвета. См., например: *Качаясь в кольце, сердито кричал, раздувая розовый хохол, большой белый попугай* (С. Т. Григорьев. Александр Суворов (1939)¹).

При актуализации признака «поведение» подчеркивается привычка попугая болтать, запоминать звуки, наклонять голову, исполнять выученные действия. См. примеры: *Неужто ему попугайчики дороже? Собака охраняет человека, а попугай только и делает, что тараторит* (Ф. Искандер. Сандро из Чегема (Книга 3) (1989)); *Остаются несомненные радости: старый попугай у Осоргиных, доверчиво склоняющий голову, чтобы я ему хорошенько почесал «загривок»* (А. Д. Шмеман. Дневники (1973—1983)); *Кому теперь вытягивать «счастье»? Попугай за пять копеек вытаскивал желающим зеленые, синие и красные билетки с напечатанными на них предсказаниями* (К. Г. Паустовский. Книга о жизни. Далекие годы (1946)); *Там собраны попугаи самых редких пород. Вам, конечно, известно, что попугай умеет запоминать и повторять человеческую речь. У многих попугаев чудный слух и великолепная память...* (Ю. К. Олеша. Три толстяка (1924)).

При актуализации признака «продолжительность жизни» подчеркивается характеристика попугая как долгожителя. См. пример: *Принадлежал он португальскому консулу, Антону Антоновичу Дауеру, — сказал Торопуло, — последнему представителю стариннейшей фирмы, торговавшей винами. У него был попугай, чуть ли не двухсотлет-*

¹ Здесь и далее примеры из: Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 08.02.2020).

ний, даже на этикетках фирмы изображен был этот попугай. Стал он своего рода живым гербом (К. К. Вагинов. Гарпагониада (1934)).

В речевом употреблении представлены следующие антропологические признаки птицы как дополнительные актуальные культурные смыслы: склонность к повторам, нелепым нарядам и внешнему виду, важничанью. См. примеры: *Но я же сразу, сразу сказал! И повторял потом как попугай одно и то же...* (А. Волос. Недвижимость (2000) // Новый Мир. 2001); *Когда моей было 12 лет, я наслушалась её рассказов о девочках, приходящих в школу в самом что ни на есть «приличном виде» и первым делом мчащихся в, извините, дамский сортир, чтобы переодеться в нечто неудобоваримое и накрастаться а-ля попугай* (Наши дети: Подростки (2004)); *Правда, тут важна золотая середина. Мужчина хорошо смотрится, когда он одет стильно, со вкусом, а не как попугай* (Г. Агишева. Что украшает мужчину? // Труд—7. 2007. 14 августа); — *Но у меня необязательная просьба: если можете, попробуйте прозой, а? Глебу показалось, что Генрих Иванович, как настоящий попугай, от гордости способен надувать грудь. — Напрасно меня, старого брюзгу, вы списываете в утиль, — важно пророкотал Генрих Иванович* (А. Иванов. Комьюнити (2012)).

Разница между словарным представлением анималистических признаков объекта (яркое, пестрое оперение, способность подражать человеческой речи) и речевым употреблением (окрас пестрый, белый, розовый, голубой и зеленый; поведение (привычка болтать, запоминать звуки, наклонять голову, выполнять выученные действия)) заключается не только в расширении и детализации признаков, но и в выделении тех особенностей внешнего вида и поведения птицы, которые будут актуализированы впоследствии при описании человека.

При актуализации антропологических признаков переносное значение слова *попугай* (неспособность иметь собственное мнение, повторять чужие мысли и идеи) расширяется и обрастает дополнительными смысловыми оттенками (склонность к повторам, нелепым нарядам и внешнему виду, важничанью), что создает когнитивную базу для формирования инвективного потенциала. Однако анализ языкового материала показывает разнообразие примеров употребления зоонима *попугай* в неинвективной функции. Интерес к такому «развороту» — употребление инвективов в неинвективной функции — может и должно стать предметом отдельного исследования, но тот факт, что

«возросшая толерантность к употреблению инвективов вызвана не падением уровня речевой культуры, а успехом коммуникативных актов, в которых они используются» [12, с. 176], для нас очевиден.

Обсуждение результатов. Функции, которые выполняют зоонимы в тексте, представляются нами как характеризующая, инвективная и междоменная (см. об этом: [13]). При этом культурные смыслы раскрываются в разном объеме.

При выполнении характеризующей функции зооним описывает человека со стороны его поведения, поступков и черт характера (*крыса, козел, петух, верблюд, ехидна, овца, собака*); а также внешнего вида (*обезьяна, корова, свинья, бегемот, лань*). Слово в характеризующей функции дает чаще всего отрицательную оценку человеку, но не побуждает его к действию, не воздействует на него.

Однако наши примеры показывают процесс позитивизации переносного значения зоонима в русскоязычной речевой практике. В этом смысле мы не согласны с утверждением о том, что «...процесс приобретения зоонимами переносного значения рано или поздно завершается оформлением этого значения как отрицательно-оценочного» [4, с. 36].

См. пример: *Моя сестра сейчас даже учителя нанимала, типа логопеда, — не помогло. А Камий избавилась от простонародного выговора сама («я хороший попугай»). И поступила в Сорбонну, причём даже не в университет, а в академию. Очень хорошо училась* (К. Метелица. Фруска // Столица. 1997. 17 июня). Зооним «*попугай*» имеет переносное словарное значение с отрицательной коннотацией (неодобр. *тот, кто не имеет собственного мнения и повторяет чужие мысли, слова* [6, с. 923]; разг. презр. *о том, кто повторяет чужие слова, не имея собственного мнения, о человеке, склонном к постоянному подражанию кому-л.* [14, с. 473]). В приведенном выше примере отрицательная коннотация, однако, не представлена, более того, актуализирована положительная коннотация (*хороший попугай*). При этом для носителя русского языка и культуры понимание контекста не вызовет затруднений. В русскоязычном сознании зафиксирован признак «*подражание*», который и является ведущим в формировании смысловой сетки данного текста. Таким образом, отмечается смена смыслового вектора с отрицательного на положительный, так называемая позитивизация значения лексемы *попугай*.

Употребление зоонима в инвективной функции ставит своей целью добиться реакции от адресата оскорбления и подтверждения или повышения статуса оскорбляющего. Инвективным потенциалом обладают конструкции с обращением и сравнительные конструкции. Сравнительные конструкции со словом *попугай* представлены в толковых словарях (*одеваться, как попугай; повторять что-л., как попугай* [6, с. 923]) и отражают исконные культурные смыслы этого образа — быть одетым ярко, пестро; бездумно, монотонно говорить одно и то же, повторять чужие слова, мысли [6, с. 923]. Потенциал обращения также сосредоточен на намерении говорящего оскорбить адресата речи. См. пример: — *Стреляй, наемный солдат! Убивай всех, попугай, свиное ухо! С занесенной тляпкой она бросилась на конвоира. Истерия женщин передалась и Гизатулину* (Г. Г. Демидов. Амок (1972—1980)). Употребление зоонима *попугай* в качестве обращения встречается довольно редко. Но исключение только подтверждает правило.

Основным признаком междометной функции зоонима является, с нашей точки зрения, реализация прагматической семантики этой группы слов. Это означает, что примеры со словом-зоонимом в междометной функции выражают не только отрицательную эмоцию презрения, но и прагматику отношения к объекту восприятия. Например: *не надо слушать этого попугая* [14, с. 473].

Таким образом, определение функции зоонима выявляет один из аспектов динамики культурных смыслов: исконное назначение зоонима давать отрицательную характеристику объекту в современном речевом употреблении при выполнении характеризующей функции может менять свой вектор на противоположный. Формированию такой коннотации способствует контекстное окружение. Потому важно определить типы контекстов, в которых встречаются зоонимы.

Исследование функционирования зоонима *попугай* в тексте выявило несколько типов контекстов, актуализирующих разные культурные смыслы: констатирующий, нейтрализующий, стимулирующий (об этих типах см.: [15]).

Констатирующий контекст актуализирует признаки объекта, названного данным зоонимом.

См.: (1) — *Не гуси, а попугаи. — Ты его, приятель, примечай, может, он заморский попугай... — Почему же попугаи? Очень скромно и удобно одеты* (В. Аксенов. Звездный билет // Юность. 1961); (2) — У

тебя своих мозгов нет? Ты попугай — повторять за другими? — кричала она (М. Трауб. Домик на Юге (2009)). В примере (1) актуализирован исконный культурный смысл — «пестрая окраска попугаев», которая по отношению к человеку оценивается как отсутствие вкуса в одежде, а в примере (2) акцент сделан на признаке «бездумное повторение за кем-то» как характеристике попугая с точки зрения человека. Признаки птицы (животного, насекомого, рыбы) в таких контекстах антропоцентричны, то есть выделяют в представителе животного мира то, что важно человеку, что он видит как основное в поведении и внешнем виде животного.

Нейтрализующий контекст характеризуется тем, что основное внимание уделяется определению к слову, а не признакам объекта, названного данной лексемой. По сути, какой зооним в этом контексте употребить — неважно. Такие контексты обычно называются исследователями модифицирующими (см., например: [16]). Попугай при этом характеризуется как *вареный* (1), *смазливый* (2), *талантливый* (3), *деревянный* (4), что совершенно не характерно для данного отряда птиц. См. примеры: (1) *Он прикрыл на мгновение микрофон рукой и быстро зашептал: — Что ты, как этот... попугай вареный. Включайся, импровизируй!* (Н. Пеньков. Была пора // Наш современник. 2002. 15 июня); (2) *...эта накрашенная телефункционерша, смазливый попугай, наверное, вот так же несколько лет назад сообщала об очередной Звезде, приколотой выжившему из ума борцу за мир* (А. Кабаков. Сочинитель (1990—1991)); (3) *Ведь четыре месяца! А сегодня убедился, что дочка наша и в самом деле очень талантливый попугай. Несколько раз за последние дни, играя с Машкой, я наклонялся к ней, делал страшное лицо и рычал: «Хр-р-р». Сегодня утром подхожу к ней, наклоняюсь и вдруг слышу: «Хр-р-р-р»* (А. И. Пантелеев. Наша Маша (1966)); — *«Кресс-салат»? — повторяет он уныло, как деревянный попугай. — Да, «Кресс-салат»!* — кричу я, уже охваченный творчеством, тем вдохновением, о котором так много говорят провинциальные читатели (А. И. Куприн. Травка (1912)).

Необходимо отметить, что сочетаемость с данными определениями-прилагательными не является распространенной в современном русскоязычном речевом употреблении. «Русский ассоциативный словарь» [17], например, называет следующие ассоциаты-определения к лексеме *попугай*: *волнистый, желтый, глупый, нарядный, перистый, пустоголовый, безвредный, бурый, высочайший, голу-*

бой, зеленый, известнейший, крошечный, кусачий, ленивый, мертвый, милый, надоедливый неинтересный, непохожий, обиженный, одинокий, полосатый, ручной, светский, серьезный, упрямый, ушастый, уродливый [17, с. 651]. Антропологизация культурных смыслов наблюдается уже в вышеперечисленных ассоциатах, речевое же употребление, представленное в контекстах, свидетельствует о следующей тенденции развития культурных смыслов: нейтрализации анималистических признаков и усилении антропологических.

В стимулирующих контекстах соотнесение признаков объекта, обозначенного зоонимом, с самим объектом требует когнитивного усилия: носителю языка и культуры понятен подтекст, если он осознает полную картину, знаком с концептами данной культуры, обладает фоновыми знаниями носителя данного языка. Ср. у К. И. Чуковского: *«В нашем языке это слово (попугай. — О. И.) презрительное: «болтаешь, как попугай», «попугайничаешь», а в узбекской поэзии — это каноническое любовное обращение к девушке. Там постоянно: «ты — мой обожаемый попугай», «я готов умереть за один твой взгляд, о жестокий ко мне попугай», так что в данном случае дословный перевод уже потому не будет точным, что то слово, которое в атмосфере одного языка вызывает умиление и нежность, в атмосфере другого — презрительное фырканье, насмешку»* (К. И. Чуковский. Высокое искусство (1968)).

См. примеры: (1) *Еврей так же хорошо виден в городе Козельске, как амазонский попугай на Северном полюсе* (Д. Маркиш. Статья Лютовым. Вольные фантазии из жизни писателя Исаака Бабеля // Октябрь. 2001); (2) *И он тебе: Ланцелота. Ну попугай известно что за птица* (Е. Л. Шварц. Дракон (1943)). В примере (1) подчеркивается невозможность географического совмещения двух реалий: птицы из Южной Америки и Северной «макушки» земли. Для русского сознания это несовместимые вещи — «Юг-Север». Подтекст отрывка обнаруживает многослойность замысла автора — указание как на географическую противоположность, так и на символическую значимость Северного полюса для русского народа. Ср.: *Главная связующая среда России с Западом — это, конечно, интеллигенция, хотя и не одна она. Для России проблема «Восток — Запад» играет меньшую роль, чем связи «Юг — Север». На это, кажется, никто не обращал особого внимания, но это именно так* (Д. Лихачев. О русской интеллигенции (1993)). В примере (2) представлен образ пти-

цы, тупо повторяющей слова, из чего герой Тюремщик делает вывод, что попугай, в отличие от других птиц, соглашается с тем, что видел Ланцелота. Пьеса Е. Шварца «Дракон» (1943) является сатирой на тоталитарный режим, поэтому образ попугая не просто сатира на человека без собственного мнения, а образ политического попугая, повторяющего одни и те же затасканные фразы. Ср.: *Помню, что любит произносить пламенные речи и обычно говорит о чаяниях... Если кто способен сказать «чаяния», то ясно, что это политический попугай или человек с заношенными от природы мозгами* (М. А. Алданов. Истоки. Части 9—17 (1942—1946)).

Особый интерес для изучения динамики культурных смыслов представляют сравнительные, разделительные и противопоставленные синтаксические конструкции. Лежащее в основе этих конструкций грамматическое значение сопоставления позволяет четче выявить интересующие нас культурные смыслы. Исследования в области изменения грамматики, связанные с культурной динамикой, показали, что, например, в классической художественной литературе сравнительный характер выражен менее ярко, читателю самому предлагается додумывать и достраивать образ в отличие от современной художественной литературы, где сравнительность выражена напрямую, явно видна и не требует от читателя явных усилий [18, с. 60]. Противопоставление понятий позволяет, в зависимости от намерения автора, нагляднее представить один из признаков (стилистический прием акротеzy), сопоставить несхожие компоненты, определенные предварительно как схожие (прием аллоязы), сопоставить компоненты с переносным значением (прием антитезы) и т. д. Исследуемый материал показал, что попугай сравнивается в современном речевом употреблении с канарейкой и обезьяной (1) (по признаку «склонность к подражанию»), молодым месяцем (2) (по признаку «манера сидеть»), почтовым ящиком (3) (по признаку «окрас и привычка выпячивать грудь»), эхом (4) (по признаку «неприятный звук, издаваемый птицей») и пророком (5) по признаку «повторять, делать одно и то же, выученное раз и навсегда». См. примеры: (1) *Их, кажется, и не бывает, говорящих канареек. Канарейка ведь не попугай. Руслан слушает, кивает, но глазом следит за бабушкой, как будто на хоккее — кто победит? Вот она догнала их* (Л. Г. Матвеева. Продлёнка (1987)); *Хватит обезьянничать! Это не ребёнок, а какой-то попугай! Всё у сестры перенимает!*

И заставила Маню платок снять [И. Пивоварова. Однажды Катя с Манечкой (1986)]; Скажет, я подражаю. Скажет, я обезьяна какая-нибудь или там попугай. Ничего. Потом он узнает, кто с ним рядом сидит! (В. В. Голявкин. Рисунки на асфальте (1965)); (2) — На том месте, где садилась тарелка, лежал ровный, нетронутый снег. Они выбежали на крыльцо — молодой месяц, как попугай, сидел на ветке (С. Козлов. Новогодняя сказка // Мурзилка. 2003); (3) Около булочной важно выпятился желтый, как попугай, почтовый ящик (Г. Г. Белых. Дом веселых нищих (1930)); (4) — Лариса! Откуда-то снизу, быть может из того же ущелья, куда ее толкнул Михаил, мне ответило твердое, неприятное, как попугай, эхо (О. Д. Форш. Одеты камнем (1924—1925)); (5) Никакого «отражения жизни», никакого обоза, где плетутся слепые певцы, никакого «момента». Оно — ясновидящее, бунтовское, всегда о будущем, часто ведущее жизнь, но, конечно, уж постоянно смотрящее вперед, а не по сторонам, пророк, а не попугай (М. А. Кузмин. Скороходы истории (1920)).

Необходимо отметить, что менее традиционные сравнения птицы попугая с почтовым ящиком, эхом и пророком отмечены в художественной литературе 30-х гг. XX в. В современной художественной литературе преобладают устойчивые сравнения, зафиксированные в толковых словарях русского языка (*одеваться, как попугай; повторять что-либо, как попугай* [6, с. 923]) или их варианты (*болтать, как попугай; наряжаться, как попугай*). Причина «упрощения» образного потенциала, по нашему мнению, состоит в стремлении говорящего подстроиться под адресата сообщения, под его культурный уровень, объем его фоновых знаний (см. об этом: [18]).

Выводы. Динамика культурных смыслов как «информационных квантов», связанных с культурными объектами, обнаруживается в речевом употреблении и должно вестись в направлении «язык → речь», «норма → узус». Настоящее исследование показало, что при подходе «от языка к речи» и «от нормы к узусу» обнаруживается изменение смыслового спектра зоонима *попугай*. Речевое употребление зоонима выявлялось в текстах художественных и публицистических произведений, так как эти тексты презентативны и представлены в Национальном корпусе русского языка¹, исполь-

¹ Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 08.02.2020).

зование которого соответствует принципам дескриптивного описания языка, принимающего во внимание языковую интуицию носителей языка.

Выделение анималистических и антропологических признаков объекта *попугай* в современном речевом употреблении выявило тот факт, что динамика культурных смыслов представлена не только в существенном расширении и детализации признаков, которые зафиксированы словарями русского языка, но и в выделении тех особенностей внешнего вида и поведения птицы, которые принципиальны для описания человека. Более того, примеры употребления в речи зоонима *попугай* показывают процесс позитивизации переносного значения слова в русскоязычной речевой практике: исконное назначение лексемы *попугай* давать отрицательную характеристику объекту (инвектив) в современном речевом употреблении меняет свой вектор на противоположный (не-инвектив). Исследование функционирования зоонима *попугай* в таких типах контекстов, как констатирующий, нейтрализующий и стимулирующий, выявило тенденцию нейтрализации анималистических признаков и усиления антропологических. Признаки птицы в констатирующих контекстах антропоцентричны, то есть выделяют в представителе животного мира то, что важно человеку, что он видит как основное в поведении и внешнем виде животного. В нейтрализующих контекстах исследуемый зооним используется в сочетании с прилагательными, которые свидетельствуют об антропологизации и обобщении культурных смыслов. В стимулирующих контекстах усилен аспект идиоматичности зооморфной метафоры, то есть их «понятности» для носителей иных культур (см.: [2, с. 20]). Употребление зоонима *попугай* в определенных синтаксических конструкциях (сравнительных, разделительных и противопоставленных) выявило тенденцию традиционного и нетрадиционного сопоставления объекта с другими реалиями культурной жизни этноса (почтовый ящик, пророк, эхо). Обнаружилось, что менее традиционные сравнения птицы попугая с почтовым ящиком, эхом и пророком отмечены в художественной литературе 30-х гг. XX в., тогда как в современной художественной литературе преобладают устойчивые сравнения, зафиксированные в толковых словарях русского языка. Этот факт подтвердил выдвинутое М. Н. Крыловой предположение, что «стилистическое однообра-

зие обусловлено стремлением подстроиться под адресата речи, его понижающийся культурный уровень» [18, с. 62].

Таким образом, в качестве тенденций развития русских культурных смыслов исследование выявило его динамику в сторону позитивизации, антропологизации и упрощения стилистического разнообразия.

Библиографический список

1. Шейкин А. Г. Смыслы культурные // Культурология. XX век: энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. и сост. С. Я. Левит. СПб.: Университетская книга, 1998. 448 с. URL: <http://cult-lib.ru/doc/culture/encyclopedia-xx-vek/472.htm> (дата обращения: 11.01.2020).
2. Донец П. Н. Теория межкультурной коммуникации: специфика культурных смыслов и языковых форм : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005. 47 с.
3. Леонтович О. А. Проблема ретрансляции и адаптации культурных смыслов // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 2. С. 18—24.
4. Маслов А. С. Зоометафоры-инвективы в современном русском языке (экспериментальное исследование) : дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2014. 252 с.
5. Разумовская В. А., Кононова В. А. Корпусный подход к фиксации новых речевых явлений (на материале лексемы knowledge) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2016. № 1. С. 37—46.
6. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
7. Большой толковый словарь русского языка: ок. 60 000 слов / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: АСТ: Астрель, 2009. 1268 с.
8. Булыко А. Н. Большой словарь иностранных слов. 35 тысяч слов. 3-е изд., испр., перераб. М.: Мартин, 2011. 704 с.
9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
10. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981—1984. Т. 3. П—Р. 1983. 752 с.
11. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 2002. 1456 с.
12. Голодная В. Н. Неинвективные значения инвективов: семантическое развитие обценной лексики в современном русском языке // Лучшая научная статья 2017 : сборник статей XI Международного научно-практического конкурса. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2017. С. 174—176.

13. Иванищева О. Н., Болгова Е. В. Междоментная функция зоонимов в современном речевом употреблении // Современные исследования социальных проблем. 2019. Т.11. № 5. С. 108—118.

14. Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. 768 с.

15. Иванищева О. Н. Лексикографирование культуры в двуязычном словаре : дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2005. 411 с.

16. Третьякова И. Ю. Культурные смыслы фразеологических компонентов-зооморфизмов *медведь* и *волк* // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2014. № 6. С. 192—197.

17. Русский ассоциативный словарь : в 2 т. Т. II. От реакции к стимулу. Более 100 000 реакций / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М.: Астрель; АСТ, 2002. 992 с.

18. Крылова М. Н. Динамика средств выражения категории сравнения в области грамматики: лингвокультурологический аспект // Язык и культура. 2013. № 3 (23). С. 56—63.

References

1. Shejkin A. G. Smysly kul'turnye [Cultural Senses]. *Kul'turologiya. XX vek: enciklopediya* / gl. red. i sost. S. Ya. Levit. Saint-Petersburg, Universitetskaya kniga, 1998. 448 p. (In Russ.) Available at: <http://cult-lib.ru/doc/culture/encyclopedia-xx-vek/472.htm> (accessed 11.01.2020)

2. Donec P. N. *Teoriya mezhekul'turnoj kommunikacii: specifika kul'turnyh smyslov i yazykovyh form. Avtoref. doctor. diss.* [The theory of intercultural communication: the specifics of cultural meanings and language forms. Abstr. doctor. diss.]. Moscow, 2005. 47 p. (In Russ.)

3. Leontovich O. A. Problema retranslyacii i adaptacii kul'turnyh smyslov [The problem of relaying and adaptation of cultural meanings]. *Vestnik MGU. Ser. 19. Lingvistika i mezhekul'turnaya kommunikaciya*, 2008, no 2, pp. 18—24. (In Russ.)

4. Maslov A. S. *Zoometafory-invektivy v sovremennom russkom yazyke (eksperimental'noe issledovanie)*. Cand. diss. [Zoomethaphors-invectives in modern Russian (experimental study). Cand. diss.]. Belgorod, 2014. 252 p. (In Russ.)

5. Razumovskaya V. A., Kononova V. A. Korpusnyj podhod k fiksacii novyh rechevyh yavlenij (na materiale leksemy knowledge) [The corpus approach to the fixation of new speech phenomena (based on the material of the lexeme knowledge)]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i special'nost'*, 2016, no 1, pp. 37—46. (In Russ.)

6. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Great Dictionary of Russian language] / Sost. i gl. red. S. A. Kuznecov. Saint-Petersburg, Norint, 2000. 1536 p. (In Russ.)

7. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Great Dictionary of Russian language] / Pod red. D. N. Ushakova. Moscow, AST: Astrel', 2009. 1268 p. (In Russ.)

8. Bulyko A. N. *Bol'shoj slovar' inostrannyh slov* [Great Dictionary of Foreign Words]. 3-e izd., ispr., pererab. Moscow, Martin, 2011. 704 p. (In Russ.)

9. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. 4-e izd., dop. Moscow, Azbukovnik, 1999. 944 p. (In Russ.)

10. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language] / pod red. A. P. Evgen'evoy. 2-e izd., ispr. i dop. Moscow, Russkij yazyk, 1981—1984. Vol. 3. P—R. 1983. 752 p. (In Russ.)

11. *Bol'shoj enciklopedicheskij slovar'* [Great Encyclopedic Dictionary]. 2-e izd., pererab. i dop. Moscow, Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya; Saint-Petersburg, Norint, 2002. 1456 p. (In Russ.)

12. Golodnaya V. N. Neinvestivnye znacheniya invektivov: semanticheskoe razvitie obscennoj leksiki v sovremennom russkom yazyke [Noninvestive meanings of invectives: the semantic development of obscene vocabulary in modern Russian]. *Luchshaya nauchnaya stat'ya 2017*, 2017, Penza, ICNS «Science and Education», pp. 174—176. (In Russ.)

13. Ivanishcheva O. N., Bolgova E. V. Mezhdometnaya funkciya zoonimov v sovremennom rechevom upotreblenii [Interjection function of zoonyms in modern speech use]. *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem*, 2019, vol. 11, no 5, pp. 108—118. (In Russ.)

14. Himik V. V. *Bol'shoj slovar' russkoj razgovornoj ekspressivnoj rechi* [Great Dictionary of Russian Colloquial Expressive Speech]. Saint-Petersburg, Norint, 2004. 768 p. (In Russ.)

15. Ivanishcheva O. N. *Leksikografirovanie kul'tury v dvuyazychnom slovare. Doctor. diss.* [Lexicography of culture in a bilingual dictionary. Doctor. diss.] Saint-Petersburg, 2005. 411 p. (In Russ.)

16. Tret'yakova I. Yu. Kul'turnye smysly frazeologicheskikh komponentov-zoomorfizmov medved' i volk [Cultural meanings of phraseological components-zoomorphisms bear and wolf]. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova*, 2014, no 6, pp. 192—197. (In Russ.)

17. *Russkij associativnyj slovar'* [Russian associative dictionary] / Yu. N. Karaulov, G. A. Cherkasova, N. V. Ufimceva, Yu. A. Sorokin, E. F. Tarasov. Vol. II. Moscow, Astrel'; AST, 2002. 992 p.

18. Krylova M. N. Dinamika sredstv vyrazheniya kategorii sravneniya v oblasti grammatiki: lingvokul'turologicheskij aspekt [Dynamics of means of expression of the comparison category in the field of grammar: linguoculturological aspect]. *Yazyk i kul'tura* [Language and culture], 2013, no 3 (23), pp. 56—63. (In Russ.)